

S.18 "oben, "Bei ihm zu Hause..." bis S.20 "Pümmlein, Kind, warum hast du uns in Stich gelassen."

Дома, в Чечне, сказал он, таких вещей уже нет. Антиквариат, фотографии, семейные реликвии – все это исчезло без следа. Даже воспоминаний не осталось.

«Я – манкурт, человек без памяти. Все выжжено».

Он наклонил бритый череп, изувеченный шрамами и вмятинами. Я вспомнила один киргизский рассказ, который читала еще в институте. Взятую в плен «манкурта» брили наголо, с него снимали скальп и прикладывали к голове кусок высушенной верблюжьей кожи. Мучители сажали свою жертву на солнце. Волосы начинали расти внутрь. Боль уничтожала дух. Оставалась только оболочка.

Манкурт. Человек без прошлого, без мыслей и чувств. Вся его прежняя жизнь была словно книга, которую он сам написал. Но он читал ее впервые, эту свою новую книгу. Его дом не был его домом. Сад, который он посадил, не был его садом. Его жизнь сломалась, как сухая ветка.

У нас с Асланом есть много общего, подумала я.

Мое прошлое. Мои отец и мать, родом их зажиточных семей на Востоке, у которых было конфисковано имущество. Вынужденные эмигрировать, беженцы навсегда, они были согласны «начать все сначала», но так и не стали «своими» на Западе. Бедные мои родители превратили свое прошлое в идиллию в игрушечном стеклянном шаре, и поставили его на полку. Позже, после объединения (Германии), когда они, уже пожилые люди, могли вернуться к себе на родину, стеклянный шар «лопнул». Они тоже были манкуртами – только с *неправильной* памятью.

Его взгляд упал на сервант. Здесь стояли предметы, которые когда-то моя молодая мать взяла с собой, отправляясь в далекий путь из восточной Пруссии на Запад – это была купель для крещения и четыре подсвечника с темно-красными свечами. Неподвижные предметы, выстроившиеся в ряд. Неприкосновенные с тех времен. С того самого времени, когда я в последний раз была в Кельнской квартире родителей, через два дня после звонка из полиции. Там, в Кельне, я все быстро упаковала, забрала с собой вещи, которые аукционист уже описал и выставил на продажу. Он явно не рассчитывал на то, что я, отверженная дочь, еще когда-нибудь появлюсь. Теперь я жила с этими памятными предметами. Они напоминали об умерших родителях, которые ушли, не оставив прощального письма. За день до самоубийства они составили завещание, в котором ни словом не обмолвились обо мне. И тогда я взяла себе то, что мне не принадлежало. Собственно говоря, я не знала, где найти применение этим предметам, но и расстаться с ними я не могла.

.....

Чтобы с периферии, с окраин, снова оказаться в центре, потребуются месяцы. Годы. Целая жизнь. Некоторым это так и не удастся сделать. Аслан уже был там – в центре. Он пережил войну на периферии, следовал за ней с камерой в руках и таким вот образом оказался в центре. Он, как это продемонстрировал сайт выставки «Закрытое дело

Чечни», сумел даже найти прекрасное в ужасном. Он выжил – благодаря юмору и оптимизму.

«Что с тобой, Доро?»». Его слова звучали сочувственно. Участливо. Утешающе.

«Ничего. Все нормально». Все хорошо.

Фотографии. Последние фотографии.

Перед глазами стоял ужас, в котором я лично не участвовала. Потому что меня там не было. Ужас, запечатленный и заархивированный на снимках полиции. Эти фотографии я никогда не видела. В моем воображении рождались другие картины. Мои собственные. Я видела два состарившихся тела в узкой ванной, сплетенных в последнем любящем объятии. Я видела, как они лежали там долгое время, пока полиция их не обнаружила. Я видела, что места, где их тела соприкасались, были белыми как известь и какими-то восковыми. Другие части тела были красно-фиолетовыми, с зелеными пятнами. Я видела, как органы распирали брюшную стенку и выпячивались из-под разлагающейся кожи. Я видела лица, обезображенные ударом тока и начавшимся разложением. Прежде всего, я видела глаза. А в них – упрек: «Пюммиляйн, детка, почему ты бросила нас в беде?»

S.150: Unten "Die Männer redeten leise auf sie ein,... bis, S. 152, unten..."und dieses Mal war ich sogar froh, dass ich nichts verstand."

Мужчины разговаривали с ней тихо, и в основном, на чеченском. Потом голоса стали громче. Они перешли на русский.

Я еще плотнее прижалась к щели.

Информация, как я поняла, поступала из окружения новоизбранного президента. Люди в черной униформе, бывшие боевики, вели двойную игру. Я узнала, что новый президент в первые дни своего правления постоянно ездил в Москву на аудиенцию к своему кремлевскому покровителю. Там он получал инструкции – так было заведено. Заведено было также не летать на самолете, а передвигаться на машине. «Трус», – произнес один из них. – «Когда прижмет, и крыса прячет хвост». Смех. Перешёпывание. Следующая поездка, сказал командир с прыщавым лицом, состоится через неделю.

Его следующие слова растворились в болтовне на чеченском. Только через некоторое время снова заговорили по-русски.

«Все зависит от тебя, Зайнап», – сказал командир этих людей (внешний их вид разрушал все мои романтические представления о повстанцах, больше похожих на клерков, чем на воинов). «Ты пойдешь на это? У тебя маленькая дочь. Ты нужна семье. Мы не хотим тебя заставлять. Наоборот, мы пойдем, если ты откажешься».

Зайнап всматривалась в надписи на стене. Ее глаза перебежали с одного на другое – бесцельно, как корабль без якоря и ветрил, гонимый ветрами. Под черным платком ее кожа казалась более бледной, чем обычно. Высокие скулы выступали сильнее, что

придавало ей таинственный вид. Она сидела, как королева на высоком троне в окружении свиты. Ее слегка выступающая верхняя губа покоилась на нижней.

«Итак, мы знаем, – снова продолжал командир, – что он собирается вечером выехать из Чечни. Трус боится сесть в самолет, поэтому поедет на своем «Порше кайен». Телохранители будут следовать за ним. За два километра до чечено-ингушской границы колонна автомобилей остановится – дорогу преградит разбитая «Лада». Все будет выглядеть так, будто только что произошла авария. Трусливый заяц, каким является наш президент, останется сидеть в своей бронированной машине. Только его телохранители и решатся выйти. И тут он, Зайнап, увидит тебя. Ты будешь сидеть на обочине и продавать бензин-дистиллят. Рядом с тобой будет невинно сидеть маленькая девочка. Ты ему улыбнешься. То, что ты ему понравишься, это однозначно. Мы знаем, что похотливый козел...» Дальше пошел привычный русский мат.

Зайнап взволнованно дышала. Под черной одеждой непристойно вздымались ее груди. Она заметила обращенные на нее взгляды и потуже затянула платок. Стала почти такой же бледной, как Айшат, ее дочка-альбинос.

«Значит так, этот сукин сын откроет дверцу машины и направится к тебе. Телохранители этого не заметят, они будут заняты тем, что надо освободить улицу. Наши люди, которые инсценируют аварию, подойдут к месту происшествия и отвлекут от вас внимание. Кроме того, ты знаешь, среди телохранителей тоже есть наши люди. А тебе, тебе его нужно будет только отвлечь. В это время мотоцикл с Мусой подкатит сзади. Выстрелы будут неожиданными. Мы будем стрелять с глушителем. Охранники, которые будут в двухстах метрах от него, сначала даже ничего и не заметят. То есть у тебя будет достаточно времени, чтобы вместе с ребенком сесть на мотоцикл...»

Потом снова заговорили на чеченском, и на этот раз я была даже рада, что ничего не поняла.

S.210, Mitte, "Als wir weiterfahren, gestand ich ihm, warum ich hier war", bis S. 112, Kapitelende.

Когда мы поехали дальше, я призналась ему, почему я здесь.

Он закрыл окно и слушал меня.

Он говорил, что всегда восхищался Асланом. Того же мнения были и его родственники – они ценили Аслана, бывшего тогда самым молодым губернатором республики. Позже ему понравились фотографии Аслана. Пожилой человек в высокой меховой шапке, кормит кур на развалинах. А вот чеченец и русский во дворе разрушенного дома: они вместе выпивали и позировали для истории перед фотоаппаратом Аслана. Женщина в шубе, наброшенной на белье, спешит с канистрой для воды через улицу, а в это время русские солдаты, облокотившись на танк, смотрят ей вслед с восхищением. Жизнь, красота, перемирие. Как я поняла из его слов, благодаря взгляду Аслана люди хотя бы начали понимать, что с ними произошло. Он считал, что Аслан никогда не должен оставлять свое дело. В то же время он понимал, что ему не хватало временной дистанции, чтобы понять эту войну. Особенно, после того, как русские взяли

его в плен и избили его. И все-таки, думал он, с его стороны было ошибкой, что он во время второй войны перешел на сторону повстанцев. И это – когда было заведомо ясно, что они проиграют. Хотя в этом, соглашался он, и была его сила.

Он резко затормозил. Перед лобовым стеклом возникли учительница и дети в школьной форме, размахивающие букетами. Он открыл дверцу, вышел из машины, начал обнимать детей, они вручили ему цветы. Затем он снова сел в машину и положил цветы на полку.

Перед нашими глазами как в замедленной съемке проплыл равнинный пейзаж. Порванная пленка, череда кадров, не подчиняющаяся логике фактов и человеческих умозаключений. Вчера, сегодня. Чеченское и немецкое: стадо овец паслось на лугу, охраняемое пастухом и его собаками. Женщины пололи сорняки, а в это время в зарослях на обочине промелькнула униформа русских солдат. Памятники погибшим, которые возвышались, подобно копьям. Пики для великанов, такие же могучие, как тополя. Рядом простые надгробные плиты. Без имен. Здесь и там. Как плети с белыми цветами.

«Аслан сам виноват, – продолжал он, – что русские его взяли. К тому же во второй раз! Там наверху, в южных горах, больше нет прохода к своим. Времена изменились. Да, тогда, во время первой войны и в начале второй, еще можно было перейти границу Грузии, а сейчас там располагается самый большой внутренний батальон русских. А он шел прямо в руки пограничникам. Так, будто делал это специально. Ему еще повезло. Я сразу же вмешался, чтобы его выпустили. И сейчас он сидит у меня в Центорое и предается унынию. Но просто так взять и отпустить его – нет, я не могу. Я не могу подать такой пример. Я должен как-то отчитаться перед русскими. Но Аслан не хочет этого понять. «Мой брат, – повторяет он все время, – наверху. В горах». «Где?» – спрашиваю я. «Я не могу его выдать», – отвечает он. «Поговори с ним, – говорю я ему. – Но Аслан упрямится. Ясное дело, он не доверяет мне, думает, что я хочу захватить брата и его союзников. Помоги мне, прошу я его, будь посредником между мной и повстанцами. Я дам тебе работу. Будь моим личным уполномоченным». «И что ты за это хочешь? – спрашивает он и ухмыляется». Как будто бы он не знает. «Ничего, – говорю я, – совсем Ничего. Твою лояльность, только и всего». Он не отвечает, молчит и играет в бильярд. Рядом с ним лежит фотоаппарат, к которому он не прикасается. Однажды он по моей просьбе это сделал. *Демон* – так мы с ним называем фотографию перед оборонительной башней. Демон – так со временем ее стали называть и остальные. Никто другой не смог бы сделать такой портрет. Будь что будет. Он мне нравится. Еще никогда я не был ни к кому так привязан. У него особое положение – и он это знает. Но он не испытывает за это благодарности. Он говорит, что должен подумать. Просит дать ему время. Это все, что я от него слышу. Черт подери, иногда мне кажется, что ему все равно, жив он или мертв.

Он резко открыл дверь со стороны водителя, высунулся из машины, чтобы на воздухе привести в порядок свои мысли. Потом он закрыл дверь, в его глазах появился задор. «Иногда, – сказал он, – я оставляю телохранителей и еду к девушке!»

«А как же смерть?»

«Поедет со мной, как же еще!»

«У меня есть идея, - сказала я, - я знаю, как все решить. Так, чтобы ты сохранил лицо. И он тоже».

Мы поехали дальше.

S.294: oben "Der Hubschrauber vollzog in der Ferne eine Pirouette"..., bis S. 296 oben, "Abrek, und wo ist die Deutsche?", hörte ich jemanden fragen."

Вертолет, сделав в воздухе пируэт, подлетел ближе. Аслан взял пакет с деньгами. Я взяла свою дорожную сумку.

Мы летели над сланцевыми горами и сине-зелеными склонами. Мы летели над террасной деревней, где крыши нижнего ряда домов служили дорогой для жителей домов, что повыше. Мы летели над ущельями, где спрятались руины оставленных горных деревень. Корта, Джариго, Теретого. Кемалха. В вертолете так грохотало, что я сначала не могла разобрать названия аулов, на которые указывали телохранители. Когда я, наконец, их услышала, то они показались мне такими далекими и загадочными, как имена тех заколдованных городов, о которых мне перед сном рассказывал отец, возвращаясь поздно вечером с фабрики и сидя на краешке моей кровати до тех пор, пока я не засыпала.

Аслан сидел рядом с другими мужчинами напротив меня. Таков порядок. Он был снова с ними, как тогда, во время второй войны, когда они здесь, в южных горах, сражались против русских вместе с чеченскими союзниками. Тогда они не сомневались, что отстаивают правое дело. Потом пришло смутное время, но оно позади. Сейчас, перед лицом конкретной угрозы, они снова были одним целым. За эту борьбу, понимала я, они готовы были отдать жизнь.

О чем они думали? Они сидели на скамье, широко расставив ноги, они были похожи друг на друга – и все же каждый наедине с самим собой. Я присмотрелась к ним повнимательней, и мне показалось, что они ни о чем не думали. Что они сознательно отключили свои мысли. Один из них считал про себя. Другой встал, взял пустую бутылку, зашел в кабину к пилоту, и я услышала журчание. Другие делали вид, будто ничего не замечали. То есть это было в порядке вещей.

Один, два, три ... десять, двадцать. Сто. Я покрепче зажала сумку ногами и брала с них пример.

Вначале я увидела туманную дымку. Потом вертолет залетел в кремовые облака, и молочная масса поглотила нас. Пробивалось солнце, посылая на землю огненно-красные лучи, испещрившие горный массив, что открывался перед нами. Его северная сторона лежала в тени, и это усиливало и без того мрачное впечатление. Только когда вертолет оказался на высоте нескольких метров над склоном, я увидела домики, которые расположились у подножья горы и, казалось, вросли в скалы. Залитые красным светом, они были похожи на нарывы, выпирающие из тесного пространства брюшины. Потом я рассмотрела корку из черных крыш. Когда вертолет приземлился, появилось больше света, он залил землю и казалось, что солнце, скалы и домики перетекают друг в друга.

Вдали возвышалась целая и невредимая оборонительная башня с нетронутым шпилем – та самая, которую я видела на старом снимке.

Камуфляжная униформа, оружие, бороды.

«*Вот они, мерзавцы*», – сказал один из телохранителей.

«Малхи! Боги, а не мерзавцы!» – возразил ему другой, желая смягчить серьезность положения шуткой.

Собравшихся возле очага было немного – четверо или пятеро. Казалось, они не могли договориться; они что-то активно обсуждали, спорили. Тогда один из них встал, медленно направился к последнему дому, из которого раздавался детский плач.

«Уроды. Я их убью, если они что-нибудь им сделают».

Я взяла сумку и быстро направилась в кабину вертолета.

Приказы, крики, топот сапог. Я услышала распоряжение: мы, прибывшие, должны сложить оружие. Потом голос Аслана, спокойный и рассудительный, сказал – его люди последуют этому требованию. Еще одна угроза со стороны похитителей: если мы предпримем что-нибудь против них, то дети сразу же будут убиты. Снова спокойный голос Аслана.

Я услышала, как кто-то спросил: «Абрек, а где немка?»